

О.А. Аршинцева
**Европейская политика Англии
и Генуэзская конференция 1922 г.**

Международные отношения после Первой мировой войны, с трудом регулируемые версальскими постановлениями, уже в начале 20-х гг. начали претерпевать трансформацию. Одним из новых и важнейших факторов этого процесса впервые стали экономические проблемы, порожденные войной и послевоенной реконструкцией разрушенных связей внутри мировой системы. Война чрезвычайно ускорила процесс политического осознания новой роли экономического фактора в международных отношениях, но сама скорость включения в этот процесс политических элит и руководителей европейских государств заметно разнилась. Одними из первых на этот путь вступили британские политики, что неудивительно в свете традиционного прагматизма и гибкости британской дипломатии. Свободная от догм британская официальная позиция, особенно в лице премьер-министра 1916–1922 гг. Д. Ллойд Джорджа, зачастую опиралась на мнения экспертов, многие из которых высказывали новаторские, нетрадиционные рекомендации. Примечательно, что будущий автор революционной экономической концепции, вошедшей в историю XX в. под его именем, Дж. М. Кейнс, тогда молодой сотрудник министерства финансов, привлеченный к работе английской делегации на Парижской мирной конференции, одним из первых подверг критике экономическую состоятельность Версальского мирного договора. Идеи, высказанные в его напугавшей книгу «Экономические последствия мирного договора», могут служить ключом к пониманию, почему в 1920–1921 гг. британская официальная позиция по основным европейским проблемам (репарации, безопасность, отношения с Россией) начала заметно меняться. Логическим завершением этого изменения стала разработка программы «европейской реконструкции» с идеей проведения широкомасштабной европейской экономической конференции с участием побежденной Германии и Советской России. Инициатором и политическим руководителем разработки этой программы стал британский премьер Ллойд Джордж.

Подготовка, ход и результаты Генуэзской конференции в контексте послевоенной европейской политики Великобритании и персональной дипломатии Ллойд Джорджа достаточно широ-

ко представлены в современной английской историографии, включая многочисленные биографии премьера, но большинство авторов оценивают английские достижения весьма критично. Напрашиваются прямые параллели со сходными оценками европейской политики Ллойд Джорджа, высказанными консервативной прессой и парламентской оппозицией по свежим следам событий. Примечательно, что более благоприятные, подчас восторженные отклики (в частности в итальянской прессе) вызвала роль Ллойд Джорджа как инициатора Генуэзской конференции за пределами Англии [1, р. 196]. Таким образом, неоднозначный характер британской политики накануне и в ходе Генуэзской конференции, с точки зрения современников и исследователей, объясняет актуальность исследуемой проблемы, а также особый интерес к ней в связи с противоречивым и сложным обликом английского премьера.

Ллойд Джордж был, без сомнения, крупнейшей фигурой не только на английской, но и на европейской политической авансцене в первой половине 1920-х гг. Его политическим методом была присуща гибкость, он легко порывал с догмами и традициями, а если того требовали обстоятельства, то мог без труда поступаться принципами. Имея большой политический опыт и авторитет, он обладал здравым смыслом и был талантливым демагогом. Ллойд Джордж по праву считался одним из творцов версальской системы, но при этом первым среди политиков стран-победительниц начал ратовать за отход от ряда принципиальных условий Версальского договора, в частности в вопросе о германских репарациях. Стремление отстоять интересы Англии в Европе удачно сочеталось у него с личными претензиями на роль европейского лидера, основанными частью на том, что из руководителей держав Антанты, «делавших мир» в 1919 г., он единственный остался у власти на три последующих года.

Особый политический стиль Ллойд Джорджа, во многом нетрадиционный подход к проблемам внешней политики, его опыт участия в решении послевоенных международных проблем и, наконец, политические амбиции объясняют феномен «дипломатии Ллойд Джорджа» и его

руководящую роль в формировании и осуществлении европейской политики Англии в 1918–1922 гг. Европа была главным объектом его внешнеполитических интересов, и в европейских вопросах премьер-министр, опираясь на штат советников и личных помощников, отодвинул на второй план министра иностранных дел Керзона и Форин офис с их более традиционными дипломатическими методами и довольно многочисленным штатом чиновников. Эту оценку роли Ллойд Джорджа в разработке основных направлений европейской политики Англии разделяет большинство исследователей его послевоенной деятельности. Не случайно поворот в английской политике в отношении главных европейских проблем, наметившийся в середине 1921 г., был связан с деятельностью Ллойд Джорджа и его ближайшего окружения.

Новая английская инициатива была вызвана к жизни рядом экономических и внешнеполитических факторов. Критическое состояние послевоенной английской экономики усугублялось перераспределением ролей на мировом финансовом рынке в пользу США, что делало еще более актуальным восстановление европейских экономических связей. Решить эту задачу без вовлечения Германии и России было невозможно.

Ллойд Джордж и его сторонники, в отличие от общеизвестной более жесткой антисоветской позиции большинства консерваторов, ратовали за изменение политики в отношении России и с определенными надеждами восприняли переход к нэпу как признак реставрации капитализма. Премьер-министр полагал, что Англия должна играть ведущую роль в процессе нормализации взаимодействий Запада и Советов. Это политическое соображение частично объясняет выжидательную позицию Англии в отношении международной помощи России в связи с голодом в 1921 г. В Лондоне внимательно следили за деятельностью Американской администрации помощи Г. Гувера и с нескрываемым беспокойством – за деятельностью Ф. Нансена от имени Красного Креста, а особые опасения в последнем случае вызывала возможность предоставления советскому правительству «незащищенных» международных кредитов на льготных условиях [2, р. 12–13]. В сентябре 1921 г. Ассамблея Лиги наций не одобрила предложений Нансена. В Лондоне посчитали, что наступил удобный момент для овладения инициативой в этом вопросе.

Глава английского министерства торговли Ф. Ллойд Грим предложил в сентябре 1921 г. проект международной помощи России, а в октябре по официальной инициативе Верховного Совета Антанты состоялась международная встреча

в Брюсселе, на которой присутствовали не только представители стран Антанты, но и – по настоянию Англии – германские делегаты, правда, без права голоса. Брюссельская конференция в известном смысле была противовесом миссии Нансена и должна была нейтрализовать неудачу международной комиссии И. Нуланса, в которой ведущая роль принадлежала Франции. Английский проект, предполагавший предоставление внешних кредитов России объединением всех западных стран, включая Германию, был принят без особых дискуссий [3, р. 782–785].

Следующим логическим шагом по реализации брюссельского проекта с английской стороны стала идея созыва международной конференции, которая была высказана также и в известной ноте советского правительства от 28 октября 1921 г., содержавшей условия нормализации отношений России и Запада. С целью подготовки к будущей конференции ближайшие советники Ллойд Джорджа приступили к разработке новой правительственной программы урегулирования экономических и политических отношений в Европе. Однако этому предшествовала эволюция английской позиции в германском вопросе, самым сложным аспектом которого в начале 20-х гг. были репарации.

Репарационный вопрос фокусировал две линии послевоенных противоречий в Европе: во-первых, англо-французские и, во-вторых, между союзниками и побежденной Германией. После принятия в мае 1921 г. новой схемы репарационных платежей и провозглашения правительством Й. Вирта «политики выполнения» английская сторона в дискуссиях с Францией взяла на вооружение идею платежеспособности Германии как основу репарационных претензий. Этот принцип по сути воспроизводил ранее высказанный Кейнсом тезис о том, что Германия является ядром хозяйственной системы всей Европы и без восстановления первой невозможно возрождение второй, а необоснованные репарационные претензии препятствуют этому. Английская официальная позиция исходила из необходимости ослабления репарационного гнета, поскольку восстановление экономических связей на континенте имело для Англии большее значение, нежели получение максимальной суммы репараций. Это было главной причиной англо-французских разногласий, поскольку для Франции, экономика которой непосредственно пострадала во время войны, репарации были не только средством экономического истощения побежденного врага, но и источником компенсации материальных потерь. Англия не поддерживала стремление Франции получить германские ре-

парадии любой ценой, что создало основу для англо-германского сближения в репарационном вопросе. Не буква, но дух упомянутой «политики выполнения» правительства Вирта был ориентирован на английскую поддержку. Эта политика, хотя и имела оппозицию в лице германских «ревизионистов», давала возможность более гибким германским руководителям (Вирт, министр восстановления В. Ратенау) демонстрировать как добрую волю относительно репарационных обязательств, так и разрушительные результаты их выполнения. При этом германское правительство могло претендовать на партнерство в решении европейских проблем и одновременно пытаться уменьшить репарационные платежи. Вирт надеялся, что Англия в ближайшее время признает ревизию Лондонской схемы платежей, и эти его надежды активно поддерживал английский посол в Берлине д'Абернон, известный своей прогерманской позицией [4, р. 217].

Заметным и весьма противоречивым фактором англо-германского сближения в 1921 г. стал советский, в частности, самостоятельные шаги германского правительства, предпринятые во второй половине 1921 г. для нормализации экономических отношений с Советской Россией. Для Вирта и других сторонников лавирования между восточной и западной ориентацией германской политики сближение с Россией было, кроме его экономических перспектив, еще и политическим средством воздействия на Англию и другие страны Антанты. Ратенау, солидарный с общей позицией Вирта, исходил из того, что английская экономика не нуждается, в отличие от французской, в натуральных репарационных поставках, но если будет налажен германский экспорт в Россию, то часть прибылей от него Англия сможет получить в виде репараций. В Лондоне не сразу, но по достоинству оценили этот проект, который в общем соответствовал новым устремлениям европейской политики Англии.

В английском министерстве финансов, возглавляемом Р. Хорном, единомышленником Ллойд Джорджа в вопросах европейской политики, у ближайших советников премьер-министра и английского посла в Берлине д'Абернона возникла идея связать вопрос о моратории на репарации с предполагаемыми переговорами с Россией. Эта идея импонировала Ллойд Джорджу и вскоре обрела черты комплексной программы «восстановления Европы». Она предусматривала объединение репарационного вопроса, межсоюзнических долгов и восстановление российской и восточно-европейской экономики. Ллойд Джордж руководствовался и чисто политическими соображениями: выступив

с новой внешнеполитической инициативой, он подтвердит свою репутацию европейского лидера первой величины, это обеспечит запас прочности в непростом для него внутреннем положении [5, р. 140–145].

Поскольку согласование позиций с германской стороной было достигнуто еще до оформления контуров программы, английская дипломатия взяла на себя решение еще более сложной задачи – склонить Францию на сторону нового проекта. Для зондажа французской позиции Ллойд Джордж использовал визит в Лондон министра финансов Лушера, который считался близким другом и единомышленником премьер-министра А. Бриана. Английские аргументы в мастерском исполнении Ллойд Джорджа сводились к тому, что если Франция ответит на невыплату репараций вторжением в Рур, то это будет концом англо-французской Антанты. Если Россия не будет возвращена в европейскую экономическую систему с помощью совместных действий германских, французских, английских и американских капиталистов, то Европу ждет мрачное будущее. Нельзя сказать, что все аргументы оказались убедительными для французского министра, но Ллойд Джорджу удалось добиться от него признания, что дальнейшие поступления германских репараций вряд ли возможны при нынешнем финансовом положении страны [2, р. 23]. После переговоров с Лушером, предварявших официальный визит в Лондон премьер-министра Бриана, Ллойд Джордж получил от своего правительства полную свободу обсуждения с ним изменений репарационной схемы и проектов экономического восстановления России.

По всем трем основным вопросам повестки переговоров, проходивших 18–21 декабря, Бриану предстояло сделать непростой выбор из двух вариантов решения. Относительно репараций – требовать выполнения Лондонской схемы или согласиться с уменьшением платежей, в отношении Советской России – отвергать по-прежнему прямые контакты, рискуя оказаться вне международного консорциума, либо принять англо-германский проект, в вопросе безопасности – настаивать на англо-французском пакте или принять многостороннюю схему с участием Германии. Хотя у французского премьера не вызывали энтузиазма ни уменьшение репараций, ни юридическое признание Советской России, он был готов на уступки в обмен на англо-французский альянс. В итоге Ллойд Джорджу удалось убедить его в необходимости этих мер и добиться согласия на то, чтобы обсудить экономическую ситуацию в Европе на конференции Верховного Совета Антанты

в Канне в январе будущего 1922 г. [3, р. 780–784]. Хотя лондонские переговоры формально ограничили этим решением, для английской стороны они завершили первый этап формирования и обсуждения новой внешнеполитической программы «европейской реконструкции».

Каннская конференция 6–13 января 1922 г. открывает следующий этап подготовки к Генуе, не менее сложный для английской дипломатии и персонально Ллойд Джорджа, поскольку ему предстояло окончательно добиться смягчения французской позиции по репарациям и признанию Советской России. Принятая в начале конференции известная Каннская резолюция отвечала английским принципам комплексного решения экономических и политических проблем на будущей конференции [6, с. 109–110] и, несмотря на исключение репарационного вопроса, ее можно было бы считать дипломатическим достижением Ллойд Джорджа. Однако согласие Бриана на принятие этой резолюции его политические противники во Франции расценили как излишнюю уступчивость англичанам и вынудили его подать в отставку. Сменивший Бриана на посту премьер-министра Р. Пуанкаре был сторонником жесткой линии в отношении Германии и России, поэтому уже после Каннской конференции Ллойд Джордж был вынужден заново добиваться французского согласия на проведение конференции и участие в ней Франции. Ценой этого согласия стал репарационный вопрос, который по настоянию французского премьера во время встречи с Ллойд Джорджем был окончательно исключен из повестки конференции [3, р. 125].

Таким образом, урезанный, по сравнению с первоначальным вариантом, проект программы предстоящей конференции свелся к проблеме взаимоотношений Запада и Советской России. Именно она, в отличие от германского вопроса, вызвала острые дискуссии в правительстве, причем Ллойд Джорджу пришлось столкнуться с неоднородной, но весьма активной оппозицией справа. Она объединяла и непримиримый антикоммунизм У. Черчилля, солидарного с французской точкой зрения, и более умеренные взгляды О. Чемберлена и Биркенхеда, которые возражали против равноправного статуса Советской России на конференции. В итоге ради получения правительственных полномочий премьер-министр был вынужден согласиться с их некоторыми ограничениями, но в свойственной ему манере преподнес эти уступки Франции и внутренней оппозиции как несущественные с точки зрения основных целей конференции. Выступая в парламенте с изложением своей программы в апреле 1922 г., он сделал упор на ее главной цели –

коренном улучшении экономической ситуации в Европе, результатом которой будут и повышение платежеспособности Германии, и выполнение репараций. Так он пытался противостоять консервативным сомнениям в перспективах конференции и радикальной критике правительственной программы со стороны лейбористов, которую предлагал в Генуе начать с ревизии версальских постановлений [7, cols. 1883–1902]. В итоге большинством голосов палаты правительственная программа была принята, премьер получил необходимые полномочия, и формально подготовка английской стороны к переговорам в Генуе завершилась.

Известно, что Генуэзская конференция не оправдала английских расчетов и личных ожиданий премьера, связывавшего ее успех с упрочением своего внутривластного положения. В условиях, когда три четверти членов кабинета были настроены нелояльно по отношению к премьер-министру [8, р. 197], Генуэзская конференция, по словам самого Ллойд Джорджа, должна была восстановить «его звезду в зените» [9, р. 368]. Однако даже он, выступая 25 мая 1922 г. в парламенте, не мог характеризовать итоги конференции как безоговорочный успех [7, cols. 2564–2587]. Главным разочарованием британского премьера стал известный Рапалльский договор между Россией и Германией во время работы конференции. Его сепаратный, по западным оценкам, характер опровергал основной тактический принцип английской дипломатии – держать под контролем действия германской стороны, чтобы предотвратить ее самостоятельные двусторонние контакты, особенно с советской делегацией. По смыслу этот договор не соответствовал целям конференции, о которых Ллойд Джордж не раз заявлял лично (включая упомянутое майское выступление в палате общин): восстановление финансовых и торговых связей, улучшение дипломатических контактов и преодоление споров, угрожающих миру в Европе. Советско-германский договор выводил отношения между двумя самыми «проблемными» странами послевоенной Европы за рамки комплексной программы «европейской реконструкции», на которой настаивала английская дипломатия. Коль скоро Ллойд Джордж претендовал на личное руководство этими действиями, то он должен был принять и персональную ответственность за скромные достижения английской политики и конференции в целом.

Следует подчеркнуть, что сами идеи многостороннего и равноправного участия всех заинтересованных стран в политическом и экономическом процессах европейского восстановления

не просто отвечали конъюнктуре момента, а несли в себе зародыши новых тенденций в международных отношениях. К ним можно в первую очередь отнести стремление преодолеть сложившуюся конфронтацию между Западом и Советской Россией, победителями и побежденными, т.е. более конструктивно отнестись к негативному опыту мировой войны и революций.

Однако эти замыслы, в английском случае особенно, противоречили конкретным дипломатическим методам ведения переговоров в Генуе. Общеизвестно, что претензии англичанам со стороны германских представителей, касающиеся их изоляции от переговоров с советской делегацией, имели под собой серьезные основания. Ллойд Джордж в Генуе не смог преодолеть некий «версальский синдром», т.е. противоречие между широковещательными декларациями и либерально-пацифистскими намерениями, с одной стороны, и недемократичными методами ведения переговоров на мирной конференции 1919 г., с другой. Но этот тактический, серьезный просчет английской и в целом западной дипломатии не дает исчерпывающего ответа на вопрос, почему на Генуэзской конференции не было достигнуто соглашение между западными странами и Советской Россией. Конечно, какого-то одного, тем более простого, объяснения причин не существует. Для этого необходим многофакторный и специальный анализ всех позиций, включая внутривнутриполитическое положение Советской

России и особенности «ленинской» дипломатии, что выходит за рамки данной статьи. Ограничимся ссылкой на аргументированное мнение современного английского исследователя российско-западных отношений 20-х гг. С. Уайта, который считает, что, достижимое в принципе, подобное соглашение в тот момент было явно преждевременным и потому не состоялось [1, р. 208].

Английская позиция при всей ее гибкости на фоне непримиримости Франции и Бельгии, наиболее уязвимой оказалась именно в «русском вопросе». Кейнс в ряду современников и вполне объективных критиков результатов Генуэзской конференции подробно проанализировал экономические просчеты Запада в этом вопросе, опубликовав серию статей на данную тему в «Манчестер гардиан». В целом же он считал, что конференция достигла успеха в пропаганде новых идей и улучшении общей атмосферы, хотя переговоры о российских долгах оказались «жалким повторением» союзнических дискуссий о репарациях [1, р. 209].

Таким образом, противоречивые результаты Генуэзской конференции удерживают исследователя от однозначных ее оценок. Ее итоги оказались в ряду политических неудач Ллойд Джорджа, ставших причиной его отставки в ноябре 1922 г. Однако английская инициатива 1921–1922 гг., связанная с его именем и политической волей, заметно повлияла на становление новых тенденций в международных отношениях послевоенной Европы.

Литература

1. White S. The origins of détente: the Genoa Conference and Soviet-Western relations, 1921–1922. – Cambridge, 1985.
2. Fink C. The Genoa Conference: European diplomacy, 1921–1922. – London, 1984.
3. Document on British Foreign Policy. First ser. Vol. XX. – London, 1976.
4. D'Aberton. From Versailles to Rapallo, 1919–1922. The Dairy of Ambassador. – London, 1929.
5. Morgan K.O. Consensus and disunity. The Lloyd George coalition government, 1918–1922. – Oxford, 1979.
6. Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов. – М., 1997.
7. Parliamentary Debates. House of Commons. 5th ser. Vol. 152.
8. Johnes T. Whitehall dairy. – London, 1969. – Vol. 1.
9. Ridell G.A. Lord Ridell's intimate dairy of Peace Conference and after, 1918–1923. – London, 1937.